

Читатели "Курантов" уже знают, что знаменитый автор "Чонкина" и "Москвы 2042" стал молодым художником. И даже пригласил на днях москвичей на свой первый вернисаж в галерею "АСТИ". Где и застал его корреспондент "Курантов", чтобы допытаться, как же Войнович дошел до жизни такой и не грозит ли новое занятие тем, что почитатели потеряют писателя Войновича.

Владимир Николаевич с ходу отверг подозрения: не дожидаетесь, мол. Но и к нечаянно обнаруженному в себе таланту относится с достаточной долей нежности, потому что считает: новое занятие приносит ему большую радость. Которой он, кстати, не обнаруживает в близких. Жена Ирина, помогавшая развешивать картины, подтвердила, что они с дочерью настойчиво советовали мужу и папе зарыть свой талант в землю — им и старого хватало. "Да и вообще с провокационным предложением любимых женщин не согласился, потому что считает свое новое увлечение внезапно нахлынувшей любовью, которой, как установлено, все возрасты покорны — ну как с этим бороться?"

— И все же, нельзя поподробнее: как же это произошло, как вам кисть в руки попала?

— Честно говоря, абсолютно случайно. Года два назад жене кто-то подарил картину, купленную на рынке. Я посмотрел на нее, смотрел и понял, что мне фон не нравится, и решил ее переделать. Переделал, а краски, купленные для этой цели, остались. Я решил себя изобразить. Изобразил. А художник Миша Крунов в гости ко мне пришел и разглядел среди нескольких картин на стене — мою! Сказал: "Мне это нравится, эта и вот эта". Я удивился, не поверил: неужели правда? Это вот та, где я в красной рубашке. А Миша на своем стоит: мол, вижу, что не профессионал, но что-то в ней есть. Пришлось поверить. Я, правда, потом ее еще доделывал, Миша считает, что хуже стало, а мне нравится.

— Значит, вы после похвалы кистью воспарили?

— Я просто подумал: раз профессионал в этом что-то находит, надо еще попробовать. И попробовал. Я ведь и в литературе так же начинал когда-то. Со мной в армии солдат один вместе служил, он учителем был. Он почитал то, что я пишу, и похвалил, сказал, что надо продолжать. Я и продолжил. Вот то же самое и сейчас случилось.

— Но ведь это занятие отнимает уйму времени?

— Конечно, но я вам совершенно серьезно должен сказать: это такое колоссальное удовольствие! Мне такого сочинения литературных текстов просто никогда не доставляло.

— Правда? А если проанализировать, как выглядит удовольствие от написания текста и как — от написания картин?

— Попробую объяснить. Литературный труд, он более кропотливый, в литературе одно слово само по себе ничего не значит и красота возникает, лишь когда они сплетаются. Конечно, есть отдельные слова, сами по себе красивые, но их немного. А вообще-то они нейтральны.

А краска — любую выдавливай из тюбика, а в ней уже заряд энергии, она сама по себе уже красива. Я их разглядываю любую. Допустим, море писал — вот в этом пейзаже. Краску размазывал, размазывал и — поймал себя на мысли: можно уже дальше-то и ничего не делать, краска и так красива.

— А как к такой оригинальной технике относятся художники?

— Это у них надо спросить — вообще-то говорят, им нравится, но я допускаю, что они могут лицемерить. А насчет того, что именно им не нравится, я не могу сказать. Я пытаюсь сделать, перенести на холст свое состояние, передать, как поет душа, а уж какими способами этого добиваешься — так ли это важно?

— И все же, после того как вы ощутили эту поющую душу и поняли, что она допелась до кисти, пришлось учиться какой-то технике рисования, смешивания красок?

— Нет, не учился. Впрочем, я и литературным приемам специально не обучался. Естественно, читал книги — это и было моей литературной школой. Я школой художественной считал то, что был внимательным зрителем, в галереях и на выставках, этого вполне достаточно.

— Ох, лукавите, Владимир Николаевич. Оно известно, что в литинституте писателем не станешь, ежели талант природы природа обделила, но все же каждого человека в свое время учат писать просто технически — сначала крючочки и палочки, потом буквы. Без этого "Я помню чудное мгновенье..." — потомкам оставить трудно...

— Наверное, вы правы, да я и сам вижу, что какой-то процесс обучения происходит: со временем работы становятся другими. Я ведь уже

рит, на холсте увиденное фиксирует и удовольствие получает, краски рассматривая?

— Да нет, я иногда возвращаюсь в привычное состояние — все-таки сорокалетняя привычка сказывается. (Смеется.) А если серьезно, так я кистью по ночам больше работаю, а днем по-прежнему книги пишу.

— Ну слава Богу, а то я уж и спрашивать боюсь о новых книжках, о литературных планах...

— Ну это зря, вот совсем недавно книжка вышла — "Сказки для взрослых". Правда, в нее вошли уже известные мои опусы — "Москва 2042" и сказки, которые я писал когда-то для радиостанции "Свобода", слушатели их хорошо знают. Впрочем, и читатели тоже уже видели их в собрании моих сочинений, сейчас я их просто по-новому компоновал. А вот в прошлом году вышла совсем новая книга — "Замысел", я над ее продолжением и сейчас работаю и еще, видно, долго буду трудиться. Так что можно уверенно сказать, что два года занятий живописью не помешали мне написать новую книгу.

— Это осмысление — уже пройденный этап?

— Нет, я продолжаю думать в этом направлении, так что то, что вошло в "Замысел", это всего лишь первая книга. Сейчас я работаю над второй. Может, и еще одна будет.

— А как сейчас расходятся книжки?

— Сейчас? Вообще-то плохо. Но мои как-то еще пользуются интересом у читателей — я думаю, оттого, что все помнят "Чонкина". Если бы вот сейчас, к примеру, начинать, я даже не знаю, чем бы я мог привлечь читательское внимание. Но это везде так: читают только в самолете, в поезде — значит, книги нужны такие, чтобы сюжет был захватывающим, но все же книгу не жаль было оставить на кресле, покидая самолет.

— Мне не кажется это здоровым явлением, и уж совсем не успокаивает, что во всем мире давно так, — мы же не во всем мире живем, у себя дома, где совсем еще недавно все читали-читали-читали...

— Ну, положим, я себя относить к тем, кого не отрываясь читали, не мог, так как писателем был запре-

атура была божественным промыслом, что ли. И я входил в нее со страхом и волнением. И считал, что если вдруг мне в этом храме найдется место, то уж выше этого места и отыскать невозможно. А сейчас любой знает: литература просто одно из человеческих занятий, не самое почетное и совсем не прибыльное. Но если интересно человеку так себя выражать — пожалуйста, его дело, хотя вопросы возникают: зачем же он этим занимается, если денег это занятие не приносит? Вот Оля, дочь, две книжки написала — четыре издания выдержала, разошлись хорошо — и одну статью в "Die Deutsche Zeitung". И что же, гонорар за книги не превалирует гонорара за газетную публикацию. Так что нашим делом надо заниматься или очень по большой любви к нашему делу, или несколько отстранившись, не считая его единственным. Как Оля и делает.

— И тем не менее вам приятно, что она вроде бы как продолжает ваш путь?

— Во всяком случае, я могу сказать, что не так уж я и желаю ей этого, потому что знаю, насколько трудна наша профессия. Но дочь пока еще учится в Мюнхенском университете, она филолог, так что о ее жизненном выборе, видимо, как об окончательном говорить не стоит.

— И все же вы на жизнь зарабатываете только книгами?

— До сих пор — да, только книгами. Вот "Чонкин" продолжает не кормить уже, конечно, но все же подкармливает... Лекции время от времени читаю, но не постоянно, а когда приглашают. Кстати, в этом году я почти четыре месяца разъезжал с лекциями — во Франции был, в Америке. А до этого четыре года не приходилось со студентами работать.

— Ваши лекции, они о чем?

— О русской литературе, конечно. Вот этот последний курс я назвал читателем — "Русская литература лучше, чем секс?"

— Ух ты, может, расскажете, чем же лучше?

— Вообще-то я вопрос в конце этой фразы поставил. А взял ее с майки, при помощи которой издательство "Ардис" рекламировало в свое время свои книги — на ней был изображен Лев Толстой в папаше, на папаше обнаженная пара занималась любовью, а внизу были написаны эти самые слова. Мне эта ироническая надпись понравилась, и я прочел цикл лекций о том, как 300 лет русскую литературу преследовали, писателей в землю закапывали, живьем сжигали, сажали и расстреливали, а литература все равно существовала. И вот наступило новое время, пришла свобода, даже цензура исчезла, не то что репрессии, а литература умирает...

— А секс-то здесь при чем? Признаться, решили просто завлечь студентов.

— Конечно. Ведь секс как воспринимается — как высшее наслаждение. Так вот, русская литература еще покруче будет — так по крайней мере считалось раньше.

— А у нас подобных лекций читать не пробовали?

— Да никто не приглашал. Я бы не отказался. Правда, времени на то, чтобы постоянно вести какой-то курс, у меня нет — деньги надо зарабатывать, да и вообще дел немало. Вот выставка теперь пройдет — снова за кисть возьмусь. (Смеется.)

— Какая-то идеальная картина выстраивается, не очень вписывающаяся в нашу хаотичную и не очень счастливую жизнь.

— А я на нее смотрю с большим оптимизмом, чем многие. Потому что считаю, что несчастной она была до этого — в 85-м, 86-м, 87-м, до 90-го года, пожалуй. А сейчас она с надеждами.

Конечно, страна живет нелегко. Экономикой руководят те же люди, прежние аппаратчики. Но все-таки выступают в дело человеческие инстинкты, и потому понемногу все налаживается. Вот, к примеру, сейчас в киосках торгуют тем, что обязательно будет продано, рамки для картин (это я как художник говорю) стали делать и продавать, потому что знают, что на них спрос. И таких примеров немало. Книги вот тоже издаются — частным, заметьте, образом. Так что я смотрю в будущее с оптимизмом. С осторожным оптимизмом, потому что я реалист, а при советской власти был пессимистом законченным.

Беседу вел Ирина ЛОБАЧЕВА.

Фото Андрея СТРУНИНА.

На снимках: Владимир Войнович с женой Ириной и со своими картинами.

ВОЙНОВИЧ ВЗЯЛ КИСТЬ

И СТАЛ

ОСТОРОЖНЫМ ОПТИМИСТОМ

больше двух лет у мольберта время провожу. Вот работы, с которых я начинал, — ни перспективы, ни теней. Просто рисовал как получалось. А потом смотрел. Свои работы разглядывал и работы других тоже. И мои стали меняться — как и я сам менялся как молодой художник. Вот автопортрет — тот, самый первый, я бы его совсем по-другому сейчас сделал... Потому что глаз стал внимательнее, краски уже по-другому ко мне относятся — и я к ним тоже. Что же до отношения жены к моим занятиям, о чем мы говорили в самом начале, так я подозреваю, что она так скептически еще относится к ним, потому что опасается пристального взгляда художника — с писателем-то все проще, он где-то в облаках витает, многих деталей не замечает, многое додумывает. Художник — совсем другое дело, совсем другой взгляд и глаз...

— И сколько же этих взглядов вы за два года бросили на окружающий мир?

— Порядочно — около сотни, это живописных работ, не считая рисунков.

— Так что же получается: мы, читатели, потеряли писателя Войновича, и он совершенно изменил свою жизнь, больше кропотливой работой заниматься не желает, а все больше внимательным глазом по сторонам смотрит...

— "Замысел" — это о чем?

— Можно назвать ее автобиографией, но это не совсем так. Вернее сказать, это такая сложная автобиографическая конструкция, включающая в себя литературные замыслы. В которой, например, рассказ о том, как автор ходил в детский сад, прерывается какой-то вымышленной историей. Таким образом, получается, что внутри этой книги спряталось несколько рассказов и даже небольшой роман о жизни женщины. Это нормально: я считаю, что писатель просто так, вне своих замыслов, никому, кроме, может, самых близких людей, не интересен. Как, например, художник — ведь нельзя рассказывать о творчестве живописца и не показывать его картин...

— Кстати о картинах. Вам не приходило в голову, что вы теперь можете самостоятельно иллюстрировать свои книги?

— Нет, пока я даже не думал об этом. А может, не решался о подобном думать... Да нет, видимо, не стоит этого делать, если только в каком-то особом случае. Видите ли, мой "Замысел" — странная книга, она может вместить многое и мои живописные опыты тоже. Ведь она о том, что человек живет, не зная, что же такое вложено в него природой. А потом постепенно начинает открывать себя для себя и для всех вокруг...

ценным. Но сознавал, что вниманием обделен не был. Потому что писатели в закрытом обществе поневоле вынуждены играть неестественно большую роль. Люди шли к писателю (или к книге) с вопросами, на которые должна отвечать Церковь. Или психиатр. Сейчас у них другие источники эмоциональных переживаний, другие источники, из которых они черпают знания и ответы на то, что их волнует. И писатель перестал быть столь важной фигурой.

— Не обидно это осознавать?

— Обидно? Наверное, в какой-то степени и обидно. Но, наверное, странно было бы требовать от человека, который стал жить совсем новой, непривычной для себя, наполненной чередой событий и путешествий жизнью, чтобы поведение его, привычки и мироощущение остались прежними. И хотя я понимаю, что массовая привычка к массовой литературе убийственна для литературы как таковой, но это процесс неизбежный. И удержать его развитие можно было только в закрытом обществе, подобном тому, какое было у нас. Но это слишком дорогая цена...

— Ваша дочь тоже стала литератором — немецким. А как она входит в литературу — есть ли что-то общее с тем, как это было у вас?

— Совершенно по-другому. Молодые более реалистично смотрят на мир. Когда я начинал, для меня лите-